

Независимая газ. - 1996 - 28 авг.

УПУЩЕННЫЙ ШАНС С.Ф. СОВЕТСКОГО КИНО

К 100-летию Фаины Георгиевны Раневской

Майя Туровская

Юбилей

КОГДА «НГ» предложила мне написать что-нибудь к юбилею Фаины Георгиевны Раневской, то, порывшись в своем скудном архиве, я нашла статью о ней, написанную Бог весть когда, к ее еще прижизненному юбилею, и озаглавленную «Неюбилейные признания». Я предлагаю ее вниманию читателя нынешнего не из самоуважения, а оттого, что, увы, мне мало что есть к ней добавить.

Узнав о моей статье, Фаина Георгиевна, с которой мы не были знакомы, позвонила мне — вот как мало была она, значит, избалована вниманием, — и на меня пахнуло одиночеством, меру которого я не могла тогда ни измерить, ни представить. Это не было только одиночество человека, у которого не было никого ближе собаки; это было одиночество таланта, у которого не было пища. Между тем Брехт когда-то сделал ей дарственную надпись: «Лучшей Кураж». Роль эту, как будто для нее написанную, она никогда не сыграла, как и многие другие роли — великой интуицией драматурга и режиссера он лишь угадал ее в крошечном эпизоде спектакля «Шторм».

Под конец жизни Раневской довелось встретиться с режиссурой Анатолия Эфроса. Это была сказочная удача, и тот, кто видел ее в последней драматической роли в спектакле театра им. Моссовета «Дальше — тишина», никогда ее не забудет. Но, как сказал поэт, «все приходит слишком поздно», и эта удача не успела развернуться в новую страницу ее актерской биографии. Вот почему я предлагаю читателю старую заметку о Фаине Георгиевне Раневской не исправленной и не дополненной.

Все знают, что знаменитый конфликт фей у колыбели будущей спящей красавицы не более чем досужая выдумка. Но, как всякая удачная выдумка, она охотно воспроизводится действительностью.

Не смею утверждать, но осмелюсь предположить, что при рождении Фаины Раневской руководящая фея предназначила ей быть великой трагической актрисой. Но фея-склочница, всегда оказывающаяся тут как тут, подсушила в колыбель малютки явно неподходящие внешние данные. Надо обладать поистине гранитным чувством юмора, чтобы вынести и обратить в искусство подобное противоречие — к счастью, классическая модель сказки предусмотрела и на этот случай специальную фею запаса.

Так или иначе, но консилиум ли фей или необычное стечение геннов обеспечило появление на свет артистического феномена Фаины Раневской.

В истории театра и кино можно проследить парадоксальную закономерность, по которой популярность универсальной и устойчивой пользуются актеры характерные, — говоря грубее, ко-

личностей в капризном искусстве лицедейства столь состоявшихся, выразивших себя и в то же время так мало реализованных, как Раневская. Романтическая ирония фей дорого обходится людям, и актриса в полной мере испытала это на себе.

При имени Фаины Раневской каждый представляет себе нечто вполне определенное, но — странное дело — образ этот довольно непрочно привязан к конкретным ролям. Ну, разумеется, все радостно вспоминают знаменитое «Муля, за мной!» или «Муля, не нервнирай меня!», но образ-то намного плотнее, веселее, серьезнее всех забавных, но полуприподлических Лель и Маргарит Львовен, которых Раневская сыграла в очаровательных комедиях, привязанных ныне, как связка радужных воздушных шаров, к ее полновесному имени.

Я нарочно говорю «образ», а не «образы», потому что то, чем велика Раневская, — это не отдельные сыгранные ею (как бы великолепно — а иногда и «вполноги» — она их ни играла) театральные и кинематографические роли. Как раз послужной список ее очевидно беден для такой мощной индивидуальности. Велика она тем, что она сумела вложить в эти ро-

еще древние книги человечества. Вот почему тип, созданный ею из совокупности ролей, намного больше тех нечаянных когедийных недоразумений, в которые ее героиням доводится попадать.

Раневская, как никто из наших актрис, сродни тем печальным комикам, которые вышли из недр народного балагана и фарса, которых на экране представляют Чарли Чаплин или Джульетта Мазина, на театре — шуты Шекспира, на эстраде — Аркадий Райкин.

Раневская — актриса-клоун и Раневская — актриса для трагедии; она — трагикомическая актриса, и это определило странность ее судьбы; она становилась тем современнее, чем меньше могла еще успеть сыграть.

В ее репертуаре мы почти не найдем тех ролей из классики, которые принесли славу многим исполнительницам до нее. Пожалуй, только в миниатюрах Чехова она нашла свое место. Между тем современные авторы — ученики кинематографа и музык-холла, Чарли Чаплина и народных подмостков, выразители горьких парадоксов постиндустриальной эпохи, как бы торопясь наверстать упущенное, пишут один за другим те эксцентрические, трагикомические характеры, которые как

Народная артистка СССР. 1961 г.

Фото ИТАР—ТАСС

ли, создав многоликий и в то же время единый, поднятый до общечеловеческого типа образ.

Раневской редко доводилось играть умных, все понимающих женщин. Когда-то — нам кажется, что на заре, а по сути в зените своей артистической карьеры — ей посчастливилось получить у Михаила Ромма роль хозяйки пансиона «Мечта» в фильме того же названия о панской Польше. А может быть, это Ромму посчастливилось, потому что в этой достаточно литературной роли Раневская приоткрыла такую едкую горечь знания о корыстной и ни-

будто нарочно сочинены для Раневской — начиная от инсценировки брехтовской «Недостойной старой дамы» до «Визита дамы» Дюрренматта. Ее редкая артистическая индивидуальность, ее неканоническое «амплуа» вдруг получили целый театр, но в этом театре ей почти не суждено было сыграть. Из всех историй, где человек оказывается в трагикомическом противоречии со своей же, узаконенной и принятой общественной ролью, Раневской довелось сыграть далеко не лучшую. Но все равно «Странная миссис Сэвидж» надолго вошла в ее репертуар и стала не только демонстрацией захватывающей актерской техники, но и своеобразным «путеводителем» по мотивам поздней Раневской, каким Роза Скороход была для ранней.

Обидно думать, что эта столь уникальная актриса сыграла далеко не все, что она могла и должна была сыграть за свою долгую жизнь. Прекрасно, что она успела сказать столь многое всей своей нелегкой жизнью в искусстве.

P.S. Разумеется, финалы статей, особенно юбилейных, призваны дать некую гармонизирующую коду. Но вот немного статистики из истории современного Раневской кино. За одно только десятилетие 30-х (не забудем о «великой депрессии») в Голливуде Бетт Дэвис сыграла 37 ролей; Джинджер Роджерс — 32; менее «репертуарная» Кэтрин Хэпберн — 16. Сведения неполные: я наугад подсчитала по «Movie and Video Guide» Леонарда Мелтинса (1995), где упоминаются лишь фильмы, так или иначе оставшиеся в обороте постоянных телевизионных программ киноклассики. Нечего и говорить, что их творческая жизнь на большом и малом экране продолжалась еще многие десятилетия.

Фаина Георгиевна Раневская за всю свою долгую жизнь сыграла в кино 21 роль, и чаще всего — эпизоды.

Мы все знаем про эксплуатацию, про страдания голливудских звезд в этих марафонах, про их попытки освободиться от власти студий. Но что знаем мы о творческом голодании таланта? Об актерах и актрисах, для которых не пишут ролей, не ставят фильмов, не посылают их в рекламные поездки — не «эксплуатируют», а держат в вечном резерве?

Великое советское кино (пишу это без кавычек), к тому же ориентированное в 30 — 40-е на «образ» и на актера, на самом деле по своему реальному КПД не обогнало и паровоза, и мы — подобно Бертальту Брехту — обречены лишь воображать, какие сокровища можно было извлечь из феномена Раневской.

Но рачительность не принадлежит к ценностям ни нашей культуры, ни нашей жизни.

1976 — 1996

Кадр из фильма «Подкидыш», сделавшего знаменитой фразу «Муля, не нервнирай меня!».

мхи, а слава и наследующая ей легенда достаются на долю трагикам. В своей бурной и короткой судьбе они выражают какую-то кульминацию эпохи, а комик вечно радует зрителей проницательным знанием человеческой природы, ее скрытых пружин и явных слабостей. Игра комических актеров, при всех катаклизмах стилей и направлений, сохраняет гораздо более верности, а с ней и очарования для последующих поколений.

Если задаться вопросом, кто из наших актрис может считаться чемпионом популярности — мимую бурные взрывы известности, приносимые последним фильмом или вчерашней телепередачей, — ответ, по-видимому, может быть только один: Фаина Раневская. Едва ли что-нибудь появление на экране вызывает такой мгновенный рефлекс улыбки. Едва ли то-нибудь может конкурировать с ней в длительности и прочности адонств и благодарной зрительской привязанности.

Но было бы поспешно и неосознанно вывести отсюда умозаключение о благополучии актерской судьбы Раневской. Мало есть в театре судеб столь непростых, может быть, даже несчастливых;

шей жизни своей героини, такую мрачную иронию слова «мечта» и в то же время такое преодоление этого несчастного знания силой сердца, что если уж выделять какие-то роли — «путеводители» по «феномену Раневской», то в первую очередь надо было бы назвать умную хозяйку respectableного и жалкого пансиона «Мечта» Розу Скороход.

Раневской редко доводилось играть женщин открыто и явно страдающих. Но я — и, наверное, все, кому довелось видеть спектакль «Лисички» по пьесе Лилиан Хеллман, — навсегда запомнила почти физическое ощущение душевной муки в обвалившейся фигуре пьяненькой Бэрди, не способной лицемерить и лгать, как то положено тем, кто хочет стать хозяйками жизни.

Но дело не в этих отдельных ролях и трагических мгновениях, не столь заметных в общем потоке комедийности Раневской. Дело в том, что скрытое ощущение драматизма, даже трагизма бытия, жесткая ирония и горечь сквозят и изнутри наполняют смыслом ее щедрую и размашистую комедийность. Ее смех — всегда победа над той извечной «скорбью познания», о которой упоминали